

Б И Б Л И О Т Е К А

ОГОНЁК

№ 9

1975

Алексей МАРКОВ

ПОСЛЕДНИЙ ПОЕЗД

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«П Р А В Д А»
М О С К В А

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 9

Алексей МАРКОВ

ПОСЛЕДНИЙ ПОЕЗД

СТИХИ

Издательство «ПРАВДА»
Москва. 1975

Алексей МАРКОВ

Алексей Яковлевич Марков родился в селе Нины, Воронцово-Александровского района, Ставропольского края, в семье крестьянина. Здесь же учился в начальной школе. После смерти отца переехал с матерью в Дагестан. Некоторое время воспитывался в детских домах Дербента и Буйнакск.

В 1936 году поступил в Первое Буйнакское педагогическое училище. По окончании работал учителем в отдаленном горном ауле Ашты, был корреспондентом «Дагестанской правды».

В годы Великой Отечественной войны служил в войсках 3-го Украинского фронта, прошел путь от Терека до Шпрее.

Первые стихи напечатал во фронтовых газетах.

После демобилизации поступил в Литературный институт имени А. М. Горького, который окончил в 1951 году. В 1952 году в журнале «Новый мир» появилось первое его крупное произведение — поэма «Вышки в море» под личной редакцией А. Т. Твардовского.

В последующие годы вышли в свет поэмы «Михайло Ломоносов», «Ермак», «Ильич», книги стихов и поэм: «Ветер в лицо», «Осенний гром», «Цветы и камни», «Огонь на себя», «Снова в дорогу», «Стрелы», «Березы светятся», «Спор», «Предзимье», «Избранное», «Огонь и дождь», — сатирические сборники «Репейник», «Смех не для всех», книги переводов.

ТОПОЛЕК

Тополек, родной до боли,
Рос у дома моего.
На поленья раскололи
И сожгли враги его.
Я повсюду непрестанно
Клейких листьев слышу дух,
Вспоминал в далеких странах
Тополиный белый пух.
И когда под Бухарестом
Был я ранен в знойный день,
Отыскал он это место,
На меня накинуд тень.
Трепет листьев, шелест чистый
Позабить не хватит сил.
Для меня он, золотолистый,
Милой родиною был...

На поленья раскололи
И сожгли в печи его.
...Тополек, родной до боли,
Рос у дома моего.

ОГОНЬ НА СЕБЯ

Истлела из жести звезда —
Не гожа для вечности жечь...
Шумит на ветру лебеда,
Печаль в ней какая-то есть.
У этой полынной межи
Товарищ покоится мой.
Прохожий! Постой, не спеши,

Еще ты успеешь домой!
Пониже ему поклонись,
Как встарь поклонись, ничего!..
Сегодня не наша ли жизнь
Обязана жизни его?!
Он принял огонь на себя,
А мог бы не принимать,—
И, кровью траву окропя,
Упал, чтобы больше не встать!

Прохожий! И в мирные дни
Не легче войны есть война...
Зовут тебя в окнах огни,
Домашний уют и жена...
А кто-то, как прежде, в стране
Взывает: «Огонь на меня!»
Прохожий! Не стой в стороне!
Не прячься от вспышек огня!

МАТЬ

Четвертые сутки в размокших окопах
Не спит поредевший в боях батальон.
За нами в руинах, в дыму Севастополь,
Огнем дальнобойным гранит опален..
Лежим. Головы не поднять под обстрелом,
Работает бешено их миномет..
Глядишь — недолет, глядишь — пролетело,
Лишь насыпь замерзшая брызнет вразлет.
Четвертые сутки мы глаз не смыкаем.
Твержу я себе: «Не сдавайся! Не спи!»
Под собственный голос я так засыпаю,
Что музыку боя не слышу в степи.
А мины ложатся совсем уже рядом.
Нас выбить решили любой ценой.
А я засыпаю. И взрывом снаряда,
Разбрызгавшим пыль за мою спиной,
Меня не разбудишь...

Но вот, будто в сказке,
Подходит ко мне моя старая мать,
И пальцем касается погнутой каски,
И, как наяву, говорит мне: «Не спать!»

Глаза протираю. Приснилось, конечно!
Гремит канонада, к которой привык...
Но снова в тумане горячем, кромешном
Я вижу отчетливо старческий лик.
Мне видится тот же платок полосатый
И руки, родные с мальчишеских лет,
Что мне воротник поправляли помятый,
Когда уже был по-солдатски одет.
Мне мать говорила: «Желаю удачи.
Иди, мой родимый, дай бог вам пути.
Я буду молиться. Иди, я не плачу.
Ведь знаю, ты должен обратно прийти».

...Четвертые сутки мы глаз не смыкаем.
Тяжелые веки налились свинцом.
По облаку дыма не матерь святая,
А мать моя сходит с открытым лицом.
«Не спать!» — и берет меня за руку прямо
Нет, это не сон.

«А сюда-то ты как?
Откуда ты, мама, любимая мама?» —
И я из окопа в коричневый мрак
За ней выбегаю, качнувшись устало,
И падаю, сбитый горячей волной.

Прямым попаданием окоп мой взорвало,
Осколки со свистом прошли надо мной!

ХРАМ ПОЛЕЙ

Златая речь библиотек
И травы мудрые аптек
Мне не заменят грубой речи
Осин, пылающих под вечер.
Картины знатных галерей —
Лишь отблеск стороны моей.

Россия, родина восходов,
Вольнолюбивых ледоходов,
Россия, родина берез,
Веселых, плодородных гроз,
Моей ты стала знойной кровью,
Тяжелым гневом и любовью.

Ты стала цветом наших глаз,
И без тебя нет в мире нас.

Пойду я росными лугами,
Босыми наступлю ногами
На шелковистую траву,
Не нагляжусь на синеву...
Пойду метельною дорогой,
Отвыкший от нее немного.
Простором белым надышусь —
Покажется смешною грусть,
Что иногда плетется следом,
Давно приевшимся соседом.
Природа, здравствуй! Я пришел...
А ведь и вправду хорошо!
С чего начать?

Снимаю шапку
Пред тем, как солнце взять в охапку,
Войти в зеленый храм полей
России — Родины моей!

* *
*

Я нерв страны. Ее земные токи
Через меня взволнованно идут.
И боль мою и взлет души высокий
Ей отдаю на беспощадный суд.

Не удивитесь, коль, случится, туча
Отбросит на лицо нежданно тень,
И станет взгляд мой строгим и колючим:
Не каждый день сияет светлый день!

В СТОЛИЦЕ

Я люблю наблюдать, как в метро
Поднимаются «провинциалы»,
Как ступают смешно и хитро
На ступеньку в обувке бывалой.
И, волнуясь, не видят они,
Что смешок не скрывает столица...
На стенах, в потолке все огни
И огни, словно кружит жар-птица.

Вон, взгляните, неловкий Кольцов
Поднимается наверх в сермяге.
Он еще не пропел этих слов
О своем бесталанном бедняге.
...Ломоносов, широкий в плечах,
Я его узнаю по походке,
По огню в беспокойных очах,
По рукам, что как весла у лодки.
Вон Есенин, мальчишка еще,
Необстрелянный, белоголовый.
Чемодан из досок на плечо.
Подождите, за ним еще слово.
...Мы пока только вслед им глядим,
«А ступает-то как!» — замечаем.
С хлебом-солью не вышли мы к ним,
Только шуткой соленой встречаем...

РОДОСЛОВНАЯ

Я свою родословную знаю.
Прадед деду сказал моему:
— У тебя будет доля иная,
Легче станет рукам и уму.
Мой отец, партизан и рубака,
Пряча шашку на темный чердак,
Говорил: — Время кончено дракам,
Знаю, будете счастливы так!..

Мой лобастый, сынок мой хороший!
Ничего не сулю я тебе.
Будут ливни и будут пороши —
Все, как было в отцовской судьбе.
Не надейся прожить на готовом.
Может статься, что будет трудней.
Вот тебе мое нежное слово,
Слово жизни моей.

«КОЗЬЯ НОЖКА»

Во ржи уселся на дорожку
Седой колхозный бригадир,
Свернул потолок «козью ножку»
И с наслаждением закурил

Горит мое стихотворенье...
О боже мой! Горит! Горит!
И онемел я на мгновенье,
Споткнувшись о крестьянский быт.
Дымятся буквы на газете,
Истлела трудная строка.
Ее нашел я на рассвете,
Когда летели облака.

Судьбой народа озабочен,
Не знаю больших я забот.
Ты видел, веки пухнут ночью
У сына твоего, народ?!

И вдруг — не буду я прочитан
Тем, для кого дышу, пишу,
С кем воедино сердце слито,
К кому навстречу так спешу?
Тогда зачем озноб бессонный,
Непроторенность трудных тем,
Где все: и радости и стоны?
Тогда зачем я сам, зачем?

СУХОЙ ГРОМ

Досадней нет сухого грома,
Пустого грома горше нет.
Грохочет прямо возле дома,
На весь раскатываясь свет!
Вот-вот желанные дождевики
Поля и рощи освежат.
Встанут на цыпочки травинки,
Навстречу дождю спешат.
Арбузные тоскуют плети,
Усами жадно поводя...
И гром ударил на рассвете!
Ударил... Только нет дождя!
Уж молний не было бы, что ли,
А то не выдержит душа!
Горит от жажды и от боли
Земля, осокою шурша!

Не лучше ль быть негромкой тучей,
Упасть дождями на поля,
Возникнуть радугой летучей,
Людские души веселя!

ДОВЕРИЕ

Пусть добро будет добрым назначено —
Злые платят за доброе злом!
Сколько было мне этак заплачено.
Но не жалуясь я. Поделом!

Ошибаюсь и все-таки верую
В человеческую красоту,
Душу хочется самую серую
Обелить и взметнуть в высоту...

Может быть, на меня же обрушится,
Черным камнем падет с высоты.
...Я хочу, чтобы грязная лужица
Набралась ключевой чистоты!

Человека не лучше ль досказывать,
Чем на голову мусор мести?
В мое сердце ходы не заказаны
Поскользнувшемуся на пути!

ПЕСОЧНЫЕ ЧАСЫ

А я бы ввел повсюду
Песочные часы,
Не просто для причуды,
Не просто для красы!
А чтоб в песчинках-искрах,
Срывающихся вниз,
Ты видеть мог, как быстро
Твоя проходит жизнь!
Побил баклуши малость,
Понежился в пуху,
И смотришь — не осталось
Крупницы наверху!

Но никому на свете
Не суждено из нас
Перевернуть вот эти
Часы хотя бы раз!
Пока в скупом сосуде
Щепотка зерен есть,
Вы торопитесь, люди,
Добро друг другу несть!

ДЕЛЬФИНЫ

Черноморский белый катерок —
Севастополь — Ялта — Феодосия.
Прогуляйся! Встречный ветерок
Сдует зноя желтую коррозию!
Убедишься, что земля кругла
Да и не такая бесконечная!
Голубая, розовая мгла,
Наглых чаек толчея извечная.
Скоро и от моря устаешь:
Та же даль и шум в иллюминаторе.
Нехотя к буфету побредешь,
Там всегда отыщутся приятели.

Вдруг раздастся с палубы «Гляди!»
И затычут пальцами взволнованно:
Словно лоцман, прямо впереди
Мчит дельфин, легендой избалованный!
Как отлакированный челнок,
Ходит пряжей голубой и синему...

...Здесь гид, научный паренек
(Весь курорт зовет его по имени!)
Начинает уж в который раз
За сезон, за эти рейсы летние
О дельфинах сказочный рассказ,
С каждым днем пышней и многоцветнее:
— Людям улыбаются они,
Уважают Моцарта и Баха,
А от джаза прячутся в тени,
В водорослях путаясь от страха!..
Видимо, без сказок жизнь трудней:
То штурмуют землю марсиане,

То придумаем озерных змей,
То летим к Луне за сказкой сами...
Никогда не остановят бег
Золотые человечьи грезы...
Примелькалось море! Снится снег,
Сказочные белые березы...

* *
*

Когда-нибудь вы добирались
Последним поездом метро?
Девчонка нитку вьет на палец
И улыбается хитро.
Как видно, на губах припухших
Недавний поцелуй горит.

А рядом — парень. Грудь наружу.
С самим собою говорит.
Бранит невежливых хозяев,
Что проводить-то не смогли!
...Туристов приуставших стая
В загаре медном и в пыли...
Во сне тарелки судомойка
Все моет-моет горячо...
А сонный паренек в ковбойке
Склонился на ее плечо...

...Мне нравится последний поезд.
Ни тесноты, ни суеты.
Он как дочитанная повесть,
И ты с героями на «ты»!

* *
*

Смеются вместе, порознь плачут.
Каким бывает дружным смех!
Печаль — она совсем иначе —
В себя уходит ото всех!

От суеты таится дума,
Бежит земных огней звезда...
Вдали от мелочного шума
Родится истина всегда.

КРАСОТА

Юркий ялик, ружье, патронташ...
С неудачи охотник сердитый!
Вот прицелился он, и шабаш:
Чайка плавает с грудью пробитой!

— Что ты, парень! Не дело, не честь —
Красоту подсекать! Ну, не глупо?
Он — открытость, доверчивость весь —
Улыбается вдруг белозубо.

— Это что же — солить красоту?!
Даже мясо и то не съедобно!
...А законно стрелять на лету!
Захочу — и другую прихлопну!
Надоели... Противно орут,
Ишь, расквакались над мертвечиной!
И чего только глотки дерут?!

— Не к лицу же такое мужчинам!
Нет креста на тебе, вурдалак!

Голубыми он брызнул глазами:
— Эх ты, дед, неразбавленный мрак!
Не войдешь ты в грядущее с нами.

...Из чужих возвращаясь краев,
Лебединая движется стая.
Парень быстро хватает ружье
И, прицелясь, дуплетом стреляет!
Только птицы летят и летят,
Не нарушив исконного клина.
Машут белыми крыльями в лад
С независимостью лебединой!
Ах, какие же вы молодцы!
Пусть вослед посылают проклятья
Не доставшие вас подлецы.
Выше, выше красу поднимайте!

* *
*

Ах ты, птичка-невеличка,
Красный венчик хохолка!
В миске белая пшеничка
И душиста и сладка!

Ну, поклюй, присядь поближе!
Все завьюжило вокруг.
Ветер тычется под крыши,
Наметая белых мух!
С голодухи взвыли звери.
Холод голодом свиреп!
...Смотрит и никак не верит,
Что такой дешевый хлеб!
Он легко не достается! —
Вертит птичка головой.
Вдруг да кто-нибудь крадется?
Хлеб опасен даровой...
Усомнилась! Дыбом перья...
Не поверила она!

...Улетел комок неверья,—
Вслед глядел я из окна...

ГОМЕР

О одиночество Гомера!
О незадачливая чернь,
С одним — спесивая не в меру,
С другим — ползучая, как червь.
Столений пульс она не слышит —
Еда и сон, еда и сон!
И ничего не знает выше
Однажды избранных икон.
Взирает с откровенным смехом
На песнетворца-чудака,
Соседа в одеянье ветхом,
Незнаменитого пока.
Своею меркой встречных меря,
Чернь полагает от души:
Не может, чтоб за этой дверью,
Под боком прорицатель жил!

А прорицатель жил. И видел
Все в одиночестве своем.
Он знал, что идол — только идол,
Не станет фальшь живым огнем!
Знал перебранки олимпийцев
И поножовщину за власть,

Способность кровью так упиться,
Так вознестись и так упасть!
Он жил, столетьям обещаая
Все рассказать о днях своих!

Но олимпийцы не прощают
Тому, кто видит дальше их.
И выжгли стрелы громовержца
Глаза пророку. Ввергли в тьму.
Но есть еще глаза — у сердца,
Не ослепить их никому!
Но есть еще народ столикий:
Из уст в уста, из уст в уста...
Его величием великий
Ты будешь жить, из тьмы восстав.

...Туман сегодня над Олимпом,
Как след былого божества,
Как след исчезнувшего нимба
Того, чья мощь давно мертва.
И новые возникнут зры,
Родятся боги и умрут.
Бессмертны лишь одни Гомеры,
Бессмертен их тяжелый труд!

О боги, боги, с грозным видом
Мечите стрелы, сейте яд.
Нам нанесенные обиды
Лишь только зрение острят!

АЛЕКСАНДРИЙСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Когда великий шах Аббас
Вошел с мечом в Александрию,
Как все захватчики, тотчас
Награбил горы золотые.
— А как прикажет мудрый шах
Нам поступить с библиотекой?
В ней все, что вызрело в веках,
В ней ум и сердце человека!
...Поджавши ноги под себя,
Нахмурил брови повелитель.
Изрек, бородку теребя:
— Коран оттуда извлеките.

Все остальное — мой ответ —
Сжечь поспешите до рассвета:
Уже вот скоро тыщу лет,
Как вторят мыслям Магомета.
Зачем народу столько книг?
Скажите, мудрецы, на милость?
Ужель не обойтись без них,
Когда в қоране все вместилося?!

А если там,— поднялся шах,—
Другие — дерзкие писанья,
Тем более — развеять в прах,
Развеять в прах воспоминанья!
Қоран, единственный қоран
Неоспоримо прав навеки...

Дымов тянулся караван
Всю ночь от той библиотеки.

* *
*

Не растеряв могучей воли,
Надменен, кряжист, именит,—
Дуб, утверждая Ставрополье,
Седьмую сотню лет стоит.
Қора в напльвах и наростах
Непробиваемо крепка.
Одно досадно: нет потомства,
Вкруг ни единого дубка!

Расскажет он о том, как Пушкин
Устало в холодок присел,
И голос услышал кукушки,
Ему напевшей тридцать семь.
И как Шамиль, уже плененный,
Под этим дубом засыпал,
Во сне хватаясь исступленно
За конфискованный кинжал!
Поглаживал рукой суровой
Узластый корень Лев Толстой,
Правдивым быть давая слово
До самой крышки гробовой.
Тряс из ботинок пыль Бестужев,
Прохладу листовную пил,

Но и конвойный грозный тут же,
Зевая, неотступно был.
...Все помнит дуб. Не позабыты
Набеги и пожаров дым,
И фальшь, и грусть, и вопль обиды.
Стоит, судьбой непобедим...

О возраст юности, когда
Нам кажется — мы все познали,
И важно молвим «нет» и «да»,
На опыт взрослых зубы скалим.
И там, где надо бы в объезд,
Мы напрямик готовы мчаться!
Значенья полон каждый жест,
Когда нам только восемнадцать!

ЗАВАЛИНКА

Подумать только! Сохранилась
Завалинка, как давний день.
Село родное, сделай милость,
Не рушь ее, и эту тень
От шелковицы темнолистой,
Когда от ягод сладость кругом,
И свет на сердце шелковистый:
Здесь был когда-то дедов дом!

Я на завалинку, бывало,
С борщом и ложкой выходил,
Чтоб видеть, как верблюды бивалый
Соль из Калмыкии возил.
Боялся прозевать ватагу
Ребят, бегущих на Куму.
А там — долой с себя рубаху
И с кручи вниз по одному!

...Боялся я проспать припевки
Под балалайку вечерком,
И чем-то смутно сладким девки
Тревожили, как первый гром...

А вот сегодня... Что сегодня?
Я с улицы спешу уйти,
Не знаю слаще и свободней,
Чем жизнь в затишье, взаперти!..

Умер Шукшин Василий —
Мастер большого кино.
Отдано много усилий
Им для Отечества. Но...
«Лавочки-печки», «Калина»...
Так средь задуманных дел
Истинным доблестным сыном
Быть он России хотел!

Как-то открылся: «Степана
Разина жажду сыграть!»
Много ночей неустанно
Думал об этом, видать.
Делался выше он ростом,
Щурились гневно глаза.

Разин, воскреснувший просто,
Нежность сама и гроза!

И вот тогда он со вкусом,
Злостью, немой до поры,
Гнал вдохновенно по лузам
На миллиарде шары.
Вкруг собирались зеваки:
— Ну и дает прикурить! —
Омолодившийся в драке,
Сам свою сдерживал прыть!

Помню, ворчишь, отступая:
— Ишь, разошелся Шукшин!
...Даже Берды Кербабев
Выдохнул как-то: Яхши!
Битвы смелей и красивей
Мне уже не увидать!
...Все мы мечтаем, Василий,
Разина в жизни сыграть!

* *
*

Слышишь, парень? Надежно ль идешь?
За ошибку свою или промах
Не всегда снисхожденье найдешь
У товарищей и у знакомых.
Надо быть наготове, мой друг,
Шаг неверный порой не простится,
Как саперу, которому вдруг
В минном поле пришлось отступить.

* *
*

Сперва дается нам взаимь:
Бери, транжирь и веселись,—
И вот, неопытные, мы
На что попало тратим жизнь.
За что ты ни возьмись — везет.
Щедроты солнцем входят в дом.

Но берегись: за все, за все
С тебя же взыщется потом.

* *
*

Потерял — не печалься,
Твоего не убудет!
Непредвиденным часом
Что утратил — прибудет!

А находке не радуйся —
Мигом растает,
Как насмешница-радуга:
Глядь, ладошка пустая!..

* *
*

— Все цветы мои, мои!
Солнышко мое, мое! —
Белобрысый сорванец
В голубой степи поет.

— Васильки мои, мои,
И ромашки на лугу,
Колокольчики мои!
Облака обнять могу!
Жаворонки все мои,
Все жуки — мои, мои!
И мои тюльпаны все,
Все травиночки в росе!
И гречиха вся моя,
Бабочки и пчелок рой! —
Мальчик носится в степи
С этой песенкой смешной...

* *
*

Поклонюсь я тропинке во ржи,
Где впервые увидел тебя,
И буравили небо стрижи,
Тишь полдневную песней дробя.
Припаду я к тому родничку,
Где мы пили с тобой, наклонясь.
А над нами — ку-ку да ку-ку! —
Ворожбы вековечная вязь.
Поклонюсь я полянке лесной,
Где зеленый таинственный свет,
Где без ломаности напускной
Руки мне протянула в ответ.
Поклонюсь я ромашкам седым, —
В них покоится женская грусть.
И следам поклонюсь я твоим
...Всеи земле
до земли поклонюсь!

* *
*

Была давно ли молодость?
Еще вчера была.
В глазах девичьих холодно —
Седею без тепла!
И лишь воспоминаньями
Я греюсь у печи,

Совсем еще недавними,
Хоть в голос закричи!
То в ответах нечаянно
Пригрезится лицо,
То позовет хозяина
Собака на крыльцо...
То лиственной свежестью
Ладешек молодых,
То отболевшей нежностью
Обдаст меня на миг...

ПЛАТА

Я с тобой, дорогая,
Недоверчив, любя.
Виновата другая,
Что была до тебя.
Тень ушедшего застит
Часто свет от живых,—
Платим собственным счастьем
За жестокость других...

ЮНОСТЬ

Весна, весна... Ты в платье ярком
По-прежнему пришла ко мне.
Веселой радужною аркой
Возникла в синей вышине.
Ты все такая ж молодая.
Лучами выласкана стать.
Не отпылав, не увядая,
Идешь навстречу мне опять.
И не могу я согласиться,
Что я узнал тебя сполна.
Как прежде, хочется напиться
Из родников твоих, весна!
Пусть ты явилась для другого,
Косынкой машешь новичкам.
О юность, припадаю снова
К твоим зеленым башмачкам!

В МЕТЕЛЬ

Ты прикорнула на диване,
Упрятав ноги в теплый мех.
На голубом телеэкране
Неомраченный чей-то смех..
В полночной комнате уютно,
Струится ласково тепло.
А за окошком ветер лютый,
Под крышу снегу намело
Не забывай, что кто-то где-то
С метелью борется в пути,
Не видя ни дорог, ни света,
Идет... И в силах ли дойти?
И потому ты только, может,
Живешь счастливая, в тепле,
Что он спокойно жить не может
На неустроенной земле.

Я рвал цветы, я углублялся в лес,
Вела меня фиалка за фиалкой,
Подснежник мне бежал наперерез —
Со свежестью расстаться было жалко!
Чем дальше в лес — тем больше красоты,
В листве дрожали переливы света,
Манили вглубь и вглубь меня цветы.
Я заблудился. Путь-дорога, где ты?

Благодарю тебя за все,
Мой светлый луч в ненастье!
Когда еще так повезет?
Рябит в глазах от счастья...
Когда еще весну волос
Смогу держать в ладонях?
Как после первых майских гроз,
Душа поет и стонет.
Незамутненные глаза,
Что роднички на зорьке...

Твоя зеленая краса
Сулит расчет мне горький!
Коснись последний раз... Иди,
Ни в чем не виновата.
Смывая снег, идут дожди,
И пахнет горько мятой...

* *
*

По-моему, женщина — птица,
Что вынырнула из волны...
Маня чистотою, стремится
Куда-то, где туч валуны...

По-моему, женщина — дымка,
Возникшая гибко вдали,
Тревожащая невидимка,
Конец и начало земли!

По-моему, женщина — свежесть
Цветов, пробивающих снег
По-моему, женщина — нежность,
Как беличий радостный мех...

По-моему, женщина — это
Исканий счастливый итог.
Простите за бредни поэта,
Коль женщина вовсе не то.

* *
*

Мне лишь казалось: пели соловьи,
На травах серебрился белый след,
И простирали лилии свои
Ладони белоснежные чуть свет.
Но это лишь казалось... Ты ушла,
Исчезло все, как за откосом дым.
Сплошная в мире наступила мгла:
Все было отражением твоим...

За женскую таинственность,
Непостоянство глаз,
За все, что утаит от нас
Любимая для нас,
Мы будем ей признательны,
Мы будем ей верны.
О, будьте обязательно,
Как дымка, чуть смутны!

В МУЗЕЕ

Идем просторами музея
Изобразительных искусств,
Где солнце пригоршнею сеет
Взволнованные блики чувств.
Сияют грудью обнаженной,
Что словно вечной жизни знак,
Венеры, кроткие мадонны...
От них не отойти никак!

А рядом — девушка живая,
И пахнет платью стиркой чуть,
Идет и руку мне сжимает,
Вдруг восторгаясь чем-нибудь.
И расступается пред нею
Обильный красотой зал...
Так вечно копии бледнеют,
Когда вблизи оригинал!

НАТАША

Где сейчас ты, девушка Наташа,
Синеглазка с черною косой?
Ты осталась молодостью нашей
С неразменной девичьей красой.
Ты ходила с нами на заданье,
Самолет бросала свой в пике.
Тишину и правду мирозданья
Ты держала в маленькой руке.
А когда под вечер прилетала —
Комнатной боялась темноты

И просила проводить, бывало,
Лестницей неосвещенной ты.

Муж тебя узнал в другой одежде,
Хлопотуньей, взявшей в руки дом.
А какой была красивой прежде,
Нам одним известно лишь о том...

МИРАЖ

Почему бы декабрьской порою,
Если ночь и не видно ни зги,
Лишь глаза на мгновенье прикрою —
Лепестки, лепестки, лепестки...
Кружат белые-белые всюду.
Солнце, солнце и свет голубой.
Восемнадцатилетнее чудо
В белом платье — моею судьбой...
Почему бы, хоть рядышком жены,
Мир над нами не дымный блиндаж,
Давней юности, пулей сраженной,
Возникает пустынный мираж...

* *
*

Не надо спрашивать мужчину:
— За что влюбился ты, ответь?
...Не перечислить все причины:
— Тяжелостопный я медведь,
Ты лебедь, лань... О, список длинный,
На все пригодный времена...

Какие ж надобны причины,
Чтоб разлюбить?
Всего одна!

* *
*

Тянет знакомо дымком,—
Жгут прошлогодние листья.
Над молодым ивняком
Розовость смутная виснет...

К нам прилетели скворцы,
Дачи снимают на лето,
Южного солнца гонцы
Пробуют голос с рассвета.
За полдень — чуть припекло,
Первый расцвел одуванчик.
Радостно, шумно, светло,
Девочки — в классики скачут!
Клейкий березовый дух.
Паром окутаны пашни.
Родиной милой вокруг
Горько и сладостно пахнет...

КВАРТЫ

* *
*

О юность, возраст беспечальный!
Ты как незрелое вино:
Простое кажется банальным,
Прекрасным то, что мудрено!

* *
*

Помнит яблонька и почки
И белей фаты цветочки,
Больше все-таки запомнилось
Ей, когда от яблок полнилась...

* *
*

Говорил мне старый лоцман:
На маяк легко плывется,
Но трудней во все века
Плыть во мрак от маяка!

* *
*

Поэт, не гнись пред сильным и богатым!
Иначе будет стих горбатым!

* *
*

Поселилось как-то эхо
На болоте возле пня.
Отражается с успехом
Лягушиная возня...

* *
*

Ну, как живешь, мудрец Ашот?
Ашот сказал со вздохом:
— Мне так сегодня хорошо,
Что просто даже плохо!

* *
*

На солнышке заметив пятна,
Состряпал критик гневный том.
Приятель, не пора ли внятно
Сказать о солнышке самом?

* *
*

Я прямо шел, как только мог,
Вступая в спор и перепалку,
Боялся я кривых дорог ---
Они всегда ведут на свалку!

* *
*

Ему залезли в рот оглоблей
И говорят, что он озлоблен!

* *
*

Пусть лезут выше обезьяны,—
Видней срамные их изьяны!

* *
*

Он за насмешливым оскалом
Скрывал любую неувязку,
И как-то незаметно стало
Лицо рыдающею маской!

* *
*

О небесах заводят речь,
Чтоб взгляды от земли отвлечь!

* *
*

Страшнее нету одиночества,
Чем одиночество в толпе,
Когда бездумно всем хохочется,
Но плакать хочется тебе.

* *
*

Великий, уходя, и смертью
Людские породнит сердца!
А мелкий, словно листья ветер,
Разъединяет до конца!

* *
*

Ночь. Не слышно городского гула.
На душе тоски не стало вдруг.
Ты, наверно, в этот час уснула,
Мое сердце выронив из рук.

* *
*

Ну и хитер, ну и хитер —
Такую лысину натер!

Хотел на шефа быть похожим,
А шеф негаданно низложен.
У нового — волос копна!
Вот-те на...

* *
*

Вы посмотрите, как пырей
Ромашки задушить готов!
Не потому, что он мудрей.
Силен он общностью своей
В отличие от цветов!

* *
*

Из уст чужих о нас судить,
Как из болота воду пить!

* *
*

Катите, своевольные,
Параболой земли,
Но ...сроду треугольные
Колеса не везли!

* *
*

На охоте крыл я сеном,
Возводил шалаш отменный,
Хоть и знал — лишь на три дня
Приютит шалаш меня.

...Пусть послужит для другого:
Вдруг помянут добрым словом?!

* *
*

Среди глупцов он глупым был,
А умных сам он не любил!

* *
*

Из малого зернышка вымахнет рожь,
Из слова неверного вырастет ложь
Посеешь привычку — характер пожнешь,
Посеешь характер — судьбу обретешь!

* *
*

Не всякий цвет — здоровый цвет,—
Я это знаю с детских лет.
Бывает в жизни иногда:
Цветет стоячая вода!

* *
*

Не львы, а зайцы среди прочих
Нам наплодили свору гончих!

* *
*

Чешется о памятник свинья,—
У свиньи эстетика своя.

* *
*

И рыбе выпало немало
Хлебнуть и горя и беды.
О многом бы она сказала,
Когда б... не полный рот воды!

* *
*

Не тратьте попусту слова:
Всегда так будет и бывало —

По следу доблестного льва
Крадутся робкие шакалы!

* *
*

Даже в зоревую тишь
Все шумит, шумит камыш...
То ли до всего есть дело?
То ли просто... пустотелый?

* *
*

Запомни заповедь мою:
Стреляешь в скользкую змею,
Смотри, случайно рикошетом
Не сбить бы соловья при этом!

* *
*

В чужом окошке с давних лет
Нам кажется теплее свет.
Но птицы от заморских звезд
Стремятся в край родимых гнезд.

* *
*

Что ни час, то легче воздух,
Хмурых туч простыл и след.
Покрупнели дерзко звезды —
Значит, близится рассвет...

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Тополек	3
Огонь на себя	3
Мать	4
Храм полей	5
«Я нерв страны...»	6
В столице	6
Родословная	7
«Козья ножка»	7
Сухой гром	8
Доверие	9
Песочные часы	9
Дельфины	10
«Когда-нибудь вы добирались...»	11
«Смеются вместе, порознь плачут...»	11
Красота	12
«Ах ты, птичка-невеличка...»	12
Гомер	13
Александрйская библиотека	14
«Не растеряв могучей воли...»	15
«О, возраст юности...»	16
Завалинка	16
«Умер Шукшин Василий...»	17
«Слышишь, парень?..»	18
«Сперва дается нам взаимы...»	18
«Потерял — не печалься...»	18
«— Все цветы мои, мои...»	18
«Поклонюсь я тропинке во ржи...»	19
«Была давно ли молодость?..»	19
Плата	20
Юность	20
В метель	21
«Я рвал цветы...»	21
«Благодарю тебя за все...»	21
«По-моему, женщина — птица...»	22

«Мне лишь казалось...»	22
«За женскую таинственность...»	23
В музее	23
Наташа	23
Мираж	24
«Не надо спрашивать мужчину...»	24
«Тянет знакомо дымком...»	24
Кварты	25

Аленсей Яновлевич Марков

ПОСЛЕДНИЙ ПОЕЗД

Редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Технический редактор А. И. Евтушенко.

Сдано в набор 15/І 1975 г. А 00537. Подписано к печати 7/ІІІ 1975 г.
 Формат 70×108^{1/32}. Объем 1,40 условн. печ. л. 1,39 учетно-изд. л.
 Тираж 100 000. Изд. № 945. Заказ № 59. Цена 4 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография
 газеты «Правда» имени В. И. Ленина, 125865, Москва, А-47, ГСП,
 ул. «Правды», 24.

ОРГАНИЗУЯ ДЕНЕЖНЫЕ СБЕРЕЖЕНИЯ, СБЕРЕГАТЕЛЬНЫЕ КАССЫ ПОМОГАЮТ ТРУДЯЩИМСЯ БОЛЕЕ ПРАВИЛЬНО СТРОИТЬ СВОИ ЛИЧНЫЕ БЮДЖЕТЫ.

Путем регулярных взносов на счета по вкладам в сберегательные кассы трудящиеся без ущерба для удовлетворения своих повседневных потребностей могут накопить необходимые суммы денег для покупки товаров длительного пользования, на приобретение кооперативных квартир, для поездки на курорт и другие цели.

● Сберегательные кассы принимают от населения вклады: до востребования, срочные, выигрышные, условные и на текущие счета.

● По вкладам, внесенным в сберегательные кассы, вкладчикам выплачивается доход в виде процентов или выигрышей.

● Вносить деньги в сберегательную кассу можно не только крупными, но и мелкими суммами.

● Для внесения вклада не обязательно каждый раз лично являться в сберегательную кассу, можно безналичным путем перечислять часть заработной платы. Для этого необходимо подать в бухгалтерию предприятия, организации, учреждения, колхоза или совхоза, где вы работаете, заявление, указав в нем, какую сумму следует перечислять на ваш счет в сберегательной кассе.

● Вкладчик сберегательной кассы может внести свою сберегательную книжку дополнительный взнос в любой сберегательной кассе, выдать доверенность на получение вклада, завещать вклад любому лицу или организации.

Тайна вкладов, их сохранность и выдача вкладчикам по первому требованию гарантируются государством.

*Российское республиканское
управление Госгрудсберкасс*